

Син Янь ещё до его возвращения приготовил три блюда и суп — всё то, что требовало времени и внимания, что явно свидетельствовало о его старании. Из кастрюли поднимался густой пар, а в рисоварке дымился горячий рис. Вспомнив, как в начале Син Янь даже не умел правильно чистить картошку, Хэ Ци вдруг почувствовал горечь и одновременно вину. Ему не следовало говорить те слова, которые могли звучать так, будто он хочет прогнать его. Син Янь так усердно старался жить, пытаясь встать на ноги в этом мире, где он однажды упал. Едва увидев проблеск надежды, он снова готов был толкнуть его в пропасть, которая уже однажды поглотила его.

Он желал ему добра, как и большинство людей в мире, чтобы у него появилась своя жизнь.

Никогда раньше он не испытывал такой сильной ответственности за кого-то, желая, чтобы человек был счастлив, чтобы он избавился от прошлых теней. Син Янь был похож на питомца, которого он всегда хотел завести, но так и не смог — ленивого кота или добродушного большого пса. Даже если бы это был просто горшок с розой, он бы чувствовал ответственность за него. Тем более что он буквально вытащил этого человека с моста, дав ему пищу, одежду и веру в жизнь. Нельзя было просто так отпустить его.

Эта мысль, словно электрический разряд, пронзила его сознание, и Хэ Ци вдруг осознал, что, возможно, он не так велик, как думал.

Спасение Син Яня могло быть просто порывом, но потом он не сообщил в полицию, оставил его у себя, потратив все свои сбережения. Зачем?

Он никогда не спрашивал о его семье, не углублялся в его прошлое. Было ли это действительно из-за желания не причинять ему боли?

Был ли он на самом деле таким понимающим?

Он усмехнулся про себя.

Просто он устал от холодности этого города, от дней, проведённых в одиночестве, словно на необитаемом острове. И вот появился человек, который не боялся его резких слов, не отступал перед его суровым взглядом, каждый день встречал его на лестнице, будь то закат или звёздное небо, превращая этот удалённый от суеты чердак в место, где можно было почувствовать себя в безопасности.

Возможно, в оставшейся жизни у него больше не будет таких моментов.

Задумавшись, Хэ Ци даже не заметил, как из его губ вырвался лёгкий вздох, но Син Янь, который сидел рядом и внимательно следил за каждым его движением, заметил. Хэ Ци даже не услышал приближающихся шагов, но для Син Яня это был самый рискованный поступок, который он совершил в трезвом уме.

Он подошёл и слегка прижался лбом к плечу Хэ Ци, не решаясь касаться его больше нигде. Хэ Ци, возможно, слегка вздрогнул, очнувшись от своих мыслей, и хотел обернуться, чтобы спросить, что случилось. Голос Син Яня прозвучал глухо, словно из-под одеяла, которым он укрылся:

— Дай мне немного постоять так, Хэ Ци, всего чуть-чуть.

Хэ Ци не шевелился. Син Янь был похож на раненого зверя, который, волоча больную лапу, подползает к охотнику, чтобы найти утешение.

Казалось, в этот миг в тёмном туннеле без выхода появился слабый проблеск света.

Хэ Ци заботился о нём, значит, была надежда?

Тепло Хэ Ци сквозь ткань одежды и тонкое одеяло передавалось на лоб Син Яня, а затем растекалось по всему телу, словно проникая в его кровь и кости. Живое, радостное тепло.

Мгновения, переходящие от рая к аду, мучили его каждый день и каждую ночь, проведённые рядом с Хэ Ци.

Син Янь пошёл в душ.

Хэ Ци решил не ждать его и начал ужинать. Он сидел на крыше, глядя на огни вдалеке и жадно набивая рот рисом. Сегодня звёзд не было видно, небо было затянуто облаками. Щёки его были набиты едой, но вдруг он почувствовал разочарование и потерял аппетит. Проглотив пищу, он положил палочки и облокотился на перила, наблюдая за прохожими внизу.

Нюню, которую мать несла на руках, спускалась по освещённой фонарями дорожке. Он вспомнил, как днём, возвращаясь, видел, как Сестрица Ван и домовладелец разговаривали в доме. Дверь была открыта, но он не был любопытным, поэтому не знал, о чём шла речь, только смутно уловил, что говорили о её муже.

Неужели он исправился?

Он задумался, стоит ли рассказать об этом Син Яню, чтобы тот тоже подумал. Но потом решил, что спрашивать человека, который даже базовых вещей не знает, было бы глупо.

К тому же он ещё не наелся! Хэ Ци снова взял палочки и начал есть, на этот раз медленно, наконец почувствовав вкус. Син Янь, похоже, сделал огромный скачок в кулинарии, что стало для него неожиданностью. Неужели это тот самый Син Янь, который раньше мог только жарить яйца? В начале, когда он готовил, Хэ Ци приходилось принимать таблетки для желудка, чтобы проглотить его «шедевры». Может, у него просто был талант к кулинарии, который раньше не проявлялся?

Пока он размышлял о неожиданных успехах Син Яня, тот вышел из душа, свежий и бодрый. Увидев Хэ Ци, он удивился:

— Ты уже поел?

Хэ Ци, с набитым ртом, невнятно ответил:

— Я проголодался, разве нельзя?

Син Янь, вытирая полотенцем мокрые волосы, подошёл и сказал:

— Если ты голоден, ешь, не нужно меня ждать, это нормально.

Но в глубине души он всё же хотел, чтобы Хэ Ци поел с ним.

— Ты, похоже, стал лучше готовить, — заметил Хэ Ци.

Син Янь не понял:

— В чём лучше?

— В готовке.

— Правда?

Син Янь обрадовался его похвале.

— Ты наконец научился читать рецепты, — сказал Хэ Ци, продолжая есть.

— Я искал рецепты с картинками и пробовал много раз, — ответил Син Янь.

Его выражение лица словно говорило: «Ешь больше, хвали меня больше». Он был похож на большую собаку, которая приносит хозяину брошенный диск, с глазами, полными ожидания, и виляющим хвостом, жаждущим похвалы. Хэ Ци на мгновение замер, глядя на его мокрую голову, и задумался, не погладить ли его и не сказать: «Молодец! Ты справился!»

Но, взглянув на его высокий, мускулистый силуэт, Хэ Ци сглотнул и отказался от этой идеи. Он невольно потрогал свой живот, ощутив слой жира. Что поделать, он был низким и полноватым южанином, и никакое солнце и дождь не помогли бы ему вырасти, как растению.

Хэ Ци не смог сдержать лёгкий вздох:

— Как же я тебе завидую.

Син Янь недоумевал:

— Чему завидовать?

— Твоим родителям, наверное, северянам, которые жили в Германии, ели говядину и вырастили тебя таким крепким. Не то что мы, южане, выросшие на свинине.

Син Янь взял палочки и, глядя на Хэ Ци с недоумением, спросил:

— Тебя это беспокоит?

— Мужчины всегда немного переживают о своей фигуре.

Он медленно поднёс рис ко рту и тихо пробормотал:

— Мне кажется, у тебя хорошее телосложение.

Хэ Ци не расслышал и попросил повторить.

Син Янь поставил свою чашку на стол и сказал:

— Ты... ты в порядке, мне так кажется.

Хэ Ци, услышав это, всё же выглядел озабоченным:

— Ты не думаешь, что я слишком низкий, всего чуть больше метра семидесяти? На прошлом концерте под открытым небом я вставал на цыпочки, но видел только затылки впереди стоящих. Неудивительно, что девушки меня не замечают. Ты красивый, умеешь играть на инструментах, наверное, многим нравишься. Как же я тебе завидую...

Оказывается, он завидовал этому. Син Янь не знал, как ответить, и честно признался:

— Раньше я не был таким популярным, как ты говоришь. Китайские мужчины за границей редко привлекают иностранцев.

— Ты встречался с кем-нибудь? — неожиданно спросил Хэ Ци, заставив Син Яня растеряться.

— Что... что?

Хэ Ци был серьёзен:

— Я спрашиваю, ты ведь встречался с кем-то? Говорят, за границей рано начинают встречаться.

<http://bllate.org/book/16327/1474071>